

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран
Воронежского государственного университета

ЭТНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ В ТРАНЗИТНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Аннотация:

В статье автор отталкивается от мысли о том, что история играет особую роль в развитии национальной идентичности и памяти. Эта роль истории актуализируется в транзитных обществах. История тесно переплетается с национализмом. Националистические интеллектуалы стремятся формировать и предлагать обществу исторические нарративы в националистической системе координат. Подобная активность националистов приводит к различным последствиям. Она содействует размыванию канонов исторического исследования и политизации историографии.

Ключевые слова:

историография, национализм, историческая память, историческая политика.

Kirchanov Maxim Valeryevich

D.Phil. in History,
Associate Professor, Regional Studies
and Foreign Countries' Economy Subdepartment,
Voronezh State University

ETHNICIZATION OF HISTORICAL IMAGINATION IN TRANSITIVE SOCIETIES

Summary:

The author takes as a premise a thesis, that the history plays a special role in the development of national identity and memory. This role of history is especially relevant in the transitive societies. The history is closely intertwined with the nationalism. The nationalist intellectuals aspire to provide the society with the historical narratives in the nationalist terms. These activities of the nationalists lead to various consequences. It contributes to diffusion of standards of a historical research and encourages the politicization of the historiography.

Keywords:

historiography, nationalism, historical memory, historical policy.

Исторические исследования в современной Восточной и Центральной Европе в значительной мере подвержены влиянию со стороны как политических идеологий, так и националистических движений. Падение авторитарных режимов привело и к значительным изменениям в национальных историографиях, которые в условиях роста национализма трансформировались из преимущественно идеологически выверенных – в именно национальные исторические школы. Подобная трансформация в ряде регионов происходила крайне болезненно, сочетаясь с ростом исторического ревизионизма. В большинстве постсоветских и постсоциалистических стран ревизии истории стали явлением почти естественным и неизбежным: историки отказались от старых схем написания / описания истории в пользу новых, как правило, этнизированных версий прошлого, главным героем которого была нация.

Стремление к тому, чтобы главным героем истории сделать нацию, а не класс, совершенно отчетливо было озвучено в 2004 г. бывшим министром иностранных дел Латвийской Республики Сандрой Калниете, которая подчеркивала, что «более пятидесяти лет история Европы писалась без нас... проигравшие должны писать свою историю, потому что она заслуживает законного места в истории континента» [1]. Это выступление середины 2000-х гг. стало запоздалым признанием уже имевших место перемен и трансформаций в развитии исторической науки, которая не освободилась от влияния идеологии, но, наоборот, была подвергнута новой идеологизации с той лишь разницей, что главными героями исторического процесса стали не классы, а нации.

Превращение нации в главного героя истории было связано со значительными методологическими трудностями, с которыми в транзитном обществе столкнулись историки постсоветских государств. Комментируя первые проблемы постсоветских историографий, российские и немецкие историки подчеркивают, что «политическое обособление бывших республик Советского Союза и их желание восстановить собственную историю связаны с методологическими трудностями для всех историков как внутри, так и вне этих стран. Надо найти подходящие, оценочно нейтральные понятия, а также всякого рода параметры, позволяющие выявить, систематизировать и истолковать множество фактов. Но это еще не все. Важно беспристрастно трактовать прошлое, вернуть все то, что было исключено из него советской историографией. Только таким образом можно избежать возникновения новых мифов» [2].

Стартовые условия развития национальных историографий в новых государствах были непростыми. Многие историки были не готовы к тем радикальным переменам, которые состоялись в 1990-е гг. До распада СССР единая советская историография базировалась не на некой

местной советской форме социального и экономического конструктивизма, фактически исторические схемы были преимущественно модернистскими, история писалась как история социальных и экономических процессов, классов, история государства. Нация в подобной схеме никогда не являлась самостоятельной категорией, а играла исключительно вспомогательную роль, рассматриваясь в качестве той среды, на основе которой формировались классы, возникал рабочий класс и складывались предпосылки для социалистической революции и, как следствие, начало советского этапа в истории. К началу 1990-х гг. историческое воображение бывших советских историков развивалось именно в этой системе идеологических координат. Снятие идеологических табу и запретов породило, вероятно, единственную существовавшую на тот момент альтернативу. Вместо класса главным героем истории стала нация, а сама история из социально-экономической трансформировалась в национальную. Поэтому профессиональные историки взяли на себя функции индоктринации общества.

Современная историческая наука в Украине, России и некоторых других поставторитарных странах в значительной степени развивается, с одной стороны, как фрагментировано, так и инерционно. С другой – постсоветские страны сталкиваются со значительными сложностями в деле переосмысления своего исторического прошлого. Украинская исследовательница Юлия Зерний определяет этот процесс как «присвоение» современной «нацией-государством» своего «прошлого» [3]. Ситуация новейших исторических переосмыслений осложняется в значительной степени фрагментированностью историографического пространства, сосуществованием нескольких версий прошлого в массовом сознании граждан транзитных государств. Поэтому мы, вероятно, вправе говорить в большей степени не о «присвоении», а о новейшем воображении и конструировании прошлого и национальных историй.

В различных странах бывшего СССР этот процесс протекает крайне разнообразно. Комментируя специфику развития постсоветской России, И. Калинин подчеркивает, что «мы имеем дело с наложением друг на друга различных типов современности: незавершенным модерном, по-прежнему вызывающим к панацее природных богатств, непереваренным постмодерном, воспринятым как утверждение тотальной медальности, нерелевантности и релятивности смысла, и непосредственной российской политической современностью» [4]. Подобное сосуществование различных как политических культур и традиций, так и идентичностей самым существенным образом отражается на историографической и интеллектуальной ситуации на постсоветском пространстве. Поэтому единой историографии в постсоветских государствах не существует. По мнению Андрия Портнова, «историография всегда была разной и остается разной». Анализируя особенности и специфику развития российской историографии, А. Портнов подчеркивает: «Современная российская историография тоже очень разная. Очень разная, очень богатая и очень интересная. Возможно, мы мало об этом знаем, это наша проблема. Какая-то часть российской историографии, не побоюсь ее назвать официозной, отражает идеологию или, грубо говоря, указания Кремля. Это правда... есть часть российской историографии, которая не хочет так просто с гордостью отражать, и здесь уже сложнее. Есть историки, которые видят себя, скажем так, в либеральной парадигме. А есть историки, которые, не транслируя напрямую официальную позицию нынешних российских властей, однако, не менее критичны по отношению к либеральной части своих коллег» [5].

Подобное разнообразие позиций в среде представителей российского исторического сообщества является не только результатом транзитного характера российской государственности. Фрагментированность историографического пространства естественна для страны, которая переживает переход от авторитаризма к демократии. Политический транзит актуализировал политическое предназначение историографии, хотя она играла политическую роль и в советский период. Ликвидация идеологической монополии и установление методологического плюрализма привели к актуализации не только политической функции исторического знания, но и превратили самих историков в политиков.

При этом историки в восточно-европейских странах нередко пытаются избежать своего вынужденного участия в политике. Образцом для них в данном случае является западная, в частности французская, историография. В связи с этим на одной из публичных лекций Полит.ру Алексей Миллер цитировал французского историка Пьера Нора, который подчеркивал, что «история не должна становиться служанкой политической конъюнктуры. Ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания. Мы обращаемся к историкам с призывом объединить силы в их собственных странах, создавая у себя организации, подобные нашей, и в ближайшее время подписать в личном качестве наш призыв, чтобы положить конец сползанию к государственному регулированию исторической истины» [6].

В Восточной Европе призыв классика французской исторической науки остался «гласом вопиющего в пустыне»: российское общество не готово к появлению неполитизированной истории. Восточно-европейские общества в значительной степени фрагментированы, что существенно образом отражается и на исторических сообществах. Комментируя ситуацию, российский историк П. Уваров подчеркивает, что «пока история считает себя наукой, она не может не быть интернациональной, но при этом она не может не быть и национальной, коль скоро историки призваны отвечать на вопросы, поставленные своим обществом. Например – поиск своей национальной идентичности, либо отстаивание прав меньшинств, либо переживание чувства исторической вины» [7]. Поэтому российские историки, как и их, например, украинские коллеги, продолжают оставаться заложниками незавершенности перехода от авторитаризма к демократии, неоформленностью тех ценностей и принципов, которые могли бы консолидировать общество. В подобной ситуации естественна и неизбежна фрагментация самого сообщества профессиональных историков по самым различным принципам – по принадлежности к различным поколениям, причастности к тем или иным научным школам или просто регионам происхождения или проживания. Вероятно, российскому читателю будет крайне сложно воспринять историю, лишённую политической составляющей, в особенности – сюжетов, связанных с формированием образов Другого. Это связано с тем, что российское общество, развиваясь как транзитное, испытывает значительный дефицит политической стабильности, компенсируя эти комплексы и противоречия переходного периода экспериментами с собственным прошлым. Роль советского, а в украинском случае – отчасти и досоветского, дореволюционного, историографического наследия сохраняется, что, в частности, относится к той роли, которую играют работы М. Грушевского.

Анализируя особенности развития современной украинской историографии, А. Портнов подчеркивает, что в Украине велика не только роль «школы Грушевского», но и советской исторической науки. Комментируя фактор советского историографического наследия, А. Портнов полагает, что «советский историк мог не быть ученым, но был обязан быть гражданином. И нациестроителем (хотя такого слова тогда не знали). Причем строителем и «советского народа», и титульных республиканских наций. Первый проект – «советского народа» – часто отождествляют с русификацией, хотя она была важной, но не единственной его составляющей. «Строительство» титульных наций включало в себя и формирование границ и административного деления республик, и создание и поддержание советского канона национальных литератур, и репрессии против «буржуазных националистов». Чрезвычайно важным компонентом нациестроительства титульных наций была «коренизация», или иначе украинизация» [8].

Подобное, преимущественно – советское, наследие стало важным фактором в развитии современной украинской исторической науки, стимулируя украинских историков не только заниматься изучением истории, но и быть своего рода политиками. Фактически политическое служение советской историографии стало для современных украинских историков школой политического участия с той только разницей, что после распада СССР и восстановлением независимости Украины украинские историки были вынуждены строить не советскую нацию, а культивировать украинскую идентичность. Исторические исследования в поставторитарных обществах не развиваются в состоянии вакуума, испытывая постоянное воздействие со стороны политической конъюнктуры. Советское наследие имеет место быть в постсоветских историографиях не только как следствие эпохи перехода от авторитаризма к демократии, но и в результате значительной универсальности советской модели гуманитарного знания в целом и исторического в частности, ее причастности к западной научной традиции. Генетически те законы, которые определяли и направляли развитие советской историографии, были связаны в наибольшей степени с Западом.

Современный российский историк П. Уваров, комментируя специфику развития советской версии исторического знания, подчеркивает, что «правильным методом по техническим причинам считался марксизм-ленинизм. Но, говоря компьютерным языком, марксизм для нас был не только «программной системой», но и «программой-оболочкой», преобразующей неудобный командный пользовательский интерфейс в дружественный графический интерфейс. При помощи нехитрых операций, поиграв в диалектику, под наш советский интерфейс можно было подогнать и какой-нибудь позитивизм Венской школы, и структурализм, а может, и Фуко смогли бы приспособить при желании» [9]. Подобные явления в значительной степени характерны и для современных историографий в постсоветских государствах. Новейшими аналогами марксизма стали цивилизационный подход, неомарксистские интерпретации, теория модернизации, исследования национализма, под программную оболочку которых «подтягивается» вся национальная история в целом, что делает прошлое не менее податливым и легко преобразуемым, как было в советский период, под воздействием различных интерпретаций и толкований.

Комментируя роль национальной истории, В.А. Тишков подчеркивает, что «национальные истории строятся на основе симбиоза изоляционизма, предпочтительной представленности доминирующей культурной традиции и ее носителей, на основе удревления исторических корней, непрерывности культурной традиции и государственности» [10]. Центральным в этом определении является признание значительного этнического контента или склонности к определенной этнизации национального прошлого. Этнические тренды чрезвычайно сильны в тех постсоветских государствах, которые, еще будучи республиками в составе СССР, обладали немалой национальной спецификой. Среди таких стран – Армения. Армянский случай, как и тенденции развития исторического знания на постсоветском пространстве, свидетельствует о том, что на территории Большой Восточной Европы, в отличие от Запада, национальное государство чувствует себя весьма комфортно и уверенно, хотя некоторые российские исследователи все же полагают, что процесс постепенного разрушения самого понятия «история» неизбежен. Российский историк М. Бойцов, с одной стороны, полагает, что «в эпоху глобализации история не только не нужна – она мешает» [11]. С другой стороны, комментируя роль этнического фактора в написании новой версии истории для независимой Армении, С. Минасян подчеркивает, что «восприятие прошлого в Армении подвержено сильному влиянию этничности. Очевидно, что история не только последнее прибежище этнического самосознания, но и его питательная основа» [12]. Анализируя специфику армянской ситуации с написанием истории (которая не уникальна для постсоветского пространства), во внимание следует принимать, что этнические доминанты могут сыграть дурную службу для армянских интеллектуалов.

Этноцентризм стал неизбежным явлением на историографическом пространстве после распада СССР, сделав нацию стержнем функционирования «стандартного канона» описания / написания национальной истории. С другой стороны, в современной России, несмотря на более чем 20 лет после распада СССР, продолжает функционировать фактически неосоветская версия написания истории, которая не является национальной, но преобладает в учебной и популярной литературе. Поэтому национальная история – универсальная форма легитимации существования нации и государства. Относительно современной России следует признать, что разного рода имеющие место исторические нарративы и существующие версии российской истории описывают именно прошлое, но они не в состоянии обеспечить общество России 2000-х необходимым потенциалом для консолидации, так как не могут предложить качественно новые версии и понимание истории, культивируя преимущественно неосоветский социально-экономический суррогат, ставший заменителем и аналогом национальной истории.

Ссылки:

1. Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 71.
2. Аймермахер К., Бордюгов Г. «Свое» и «чужое» прошлое // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М., 2003. С. 15.
3. Історична пам'ять як поле змагань за ідентичність : матеріали «круглого столу», 22 квітня 2008 року / за заг. ред. Ю.О. Зерній. Київ, 2008. С. 26.
4. Калинин И. Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlo-books.ru/rus/nz-online/619/2454/2541/> (дата обращения: 15.10.2013).
5. Историк. Гражданин. Государство. Опыт нациестроительства [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html> (дата обращения: 15.10.2013).
6. Миллер А. Историческая политика: update [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2009/11/05/istpolit.html> (дата обращения: 15.10.2013).
7. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/649/> (дата обращения: 15.10.2013).
8. Историк. Гражданин. Государство. Опыт нациестроительства ...
9. Свобода у историков пока есть ...
10. Тишков В.А. История и историки в современном мире (Выступление на международном круглом столе «История, историки и власть». Москва, 2 февраля 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/tishkov.htm> (дата обращения: 15.10.2013).
11. Бойцов М. История закончилась. Забудьте [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldentime.ru/nbk_23.htm (дата обращения: 15.10.2013).
12. Минасян С. Как Армения относится к своему прошлому: история и политика [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/01/11/armeniya/> (дата обращения: 15.10.2013).

References:

1. Kopolov, N 2011, *Memory strict regime. History and politics in Russia*, Moscow, p. 71.
2. Aymermaher, K & Bordyugov, G 2003, "'Own' and 'alien' past", *National history in the Soviet and post-Soviet states*, Moscow, p. 15.
3. Zerniy, YO (ed.) 2008, *Historical memory as a field of struggle for identity: Materials "round table", April 22, 2008*, Kiev, p. 26.
4. Kalinin, I 2013, *The battle for history: the past as a limited resource*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.nlo-books.ru/rus/nz-online/619/2454/2541/>>.

5. *Historian. Citizen. State. Experience of nation-building* 2010, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html>>.
6. Miller, A 2009, *The Politics of History: update*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2009/11/05/istpolit.html>>.
7. *Historians' freedom is while there. Anyway you have something to run. Conversation of Kirill Kobrin with Pavel Uvarov* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/649/>>.
8. *Historian. Citizen. State. Experience of nation-building* 2010, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html>>.
9. *Historians' freedom is while there. Anyway you have something to run. Conversation of Kirill Kobrin with Pavel Uvarov* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/649/>>.
10. Tishkov, VA 2010, *History and historians in the modern world (Speech at the International Roundtable "History, historians, and power". Moscow, February 2, 2010)*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.historia.ru/2010/01/tishkov.htm>>.
11. Boitsov, M 2013, *Fighters story ended. Forget*, retrieved 15 October 2013, <http://www.goldentime.ru/nbk_23.htm>.
12. Minayan, S 2011, *How Armenia relates to its past: history and politics*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ru/article/2011/01/11/armeniya/>>.